

Е. С. ШУМИГОРСКИЙ

Императрица-публицист

(Эпизод из истории литературной деятельности императрицы Екатерины II)

Немного найдется коронованных глав, которые посвящали бы свои силы и досуги литературе; еще менее можно указать на тех из них, которые видели бы в своих литературных занятиях не одно лишь отрадное отдохновение от тяжелых государственных забот, а считали бы эти занятия одним из факторов своей государственной деятельности и ставили бы главнейшею их задачей достижение государственных и культурных целей для блага своих подданных. <...> Даже в новейшее время, когда литература сделалась могучим орудием для распространения идей в обществе и неоднократно проявляла присущую ей в этом отношении силу — даже в это время такой гений-правитель и писатель Фридрих II, современник императрицы Екатерины II, считающийся бесспорно главным виновником возрождения Германии, — и он ставил свои литературные произведения вне круга политических и культурных интересов немецкого народа; мало того, и по характеру, и по языку, его сочинения были по преимуществу французскими и относятся к литературе французской, а не немецкой. Поэтому литературные произведения Екатерины II, почти все имеющие прямое отношение к современной императрице русской жизни, не могут не останавливать на себе серьезного внимания историка, давая важный материал как для характеристики личности и деятельности державной писательницы, так и состояния России ее времени. <...>

Как ни странно может показаться это на первый взгляд, но о первых шагах Екатерины на литературном поприще, если не считать ее знаменитого «Наказа», не было ничего известно до самого начала 60-х годов текущего столетия. Правда, из исследований Булича (о Сумарокове)¹ и Афанасьева (о русских сатири-

ческих журналах 1769—1774 гг.)² узнали о деятельности в период 1769—1774 гг. первых русских журналов с политической окраской, начавшихся изданием «Всякой Всячины». Добролюбов* и Мордовцев** определяли их общественно-политическое значение, указывая при этом на будто бы недружелюбное отношение Екатерины II к журналистике того времени; но никому и в голову не приходило, что начало этой журналистике положено было самой Екатериной, и Добролюбов, напр., говоря об одной из статей, писанных императрицей, автора ее называет «каким-то» Патрикеем Правдомысловым (псевдоним Екатерины). Знаменательно и то, что в записках современников государыни вовсе не упоминается о журнальной ее деятельности в первую половину ее царствования, тогда как об участии императрицы в «Собеседнике любителей российского слова» дошли до нас довольно подробные сведения, и принадлежность ее перу «Былей и Небылиц» известна была всем и в то время. Это, по нашему мнению, не случайное различие можно объяснить отчасти тем, что императрице впоследствии тяжело было воспоминание о журнальной полемике 1769 г., в которой она участвовала и подвергалась грубым выходкам со стороны литературных своих противников; вот почему, вероятно, она всегда тщательно скрывала свое участие в издании «Всякой Всячины» 1769 г., и всякое напоминание о том было ей неприятно. Следы такого настроения Екатерины, по нашему мнению, сохранились в «Былях и Небылицах». К сочинителю их «восемь человек, между коими две женщины, а прочие все мужчины...» «восприяли намерение писать для осведомления, не имеется ли, полно, у него бабушки». «Почитая весьма дедушку вашего» (от лица которого говорила Екатерина в «Былях и Небылицах»), писали авторы письма, «сердечно все желаем, чтоб бабушка ваша здравствовала и чтоб вы иногда об ней упоминали. Почтение, которое мы имеем к дедушке вашему, не позволяет нам ни малейшего сомнения иметь, чтоб ее достоинства не соответствовали дедушкиным отменным дарованиям, почему любопытство наше извинительно и вам неблагоугодным быть не может». Нужно знать, что «Всякая Всячина», издававшаяся Екатериной, будучи первым по времени выхода журналом, называлась по отношению к прочим «бабушкой», и что взгляды и направ-

* Добролюбов. Русская сатира в век Екатерины // Современник. 1859. Октябрь.

** Мордовцев. Обличительная литература первых русских журналов и стеснение гласности // Русское слово. 1860. Февраль-март.

ление «бабушки» проводились и «дедушкой» в «Былях и Небылицах». Неудивителен поэтому сухой ответ Екатерины:

«По догадкам запросто и правду чтобы сказать, признаться должно, что дойти и добраться возможно, что почтенный дедушка, имея изобильное число внучат, без супруги быть не может; но сия догадка отнюдь тут не служит, где дело идет о спознании лиц, действительно существующих, либо молчанием свое бытие скрывающих. То однако заверно предложить можно, что те люди не ошибаются, кои о достоинстве прародительницы судят по качествам ее известного супруга» *.

Письмо «восьми человек» написано было после известных «Вопросов» Фонвизина, вызвавших у Екатерины жалобу, что «он хочет учить ее царствовать», и некоторую резкость в ее «Ответах» ему. Если принять в соображение, что тон и содержание «Вопросов» напоминали собою «Трутень» и другие полемизировавшее со «Всякой Всячиной» журналы 1769 г. и что издательница «Собеседника», поместившая в нем «Вопросы» и письмо «восьми человек», Е. Р. Дашкова, участвовала, по преданию, и в «Трутне», то неудивительно, что напоминание о «бабушке» не могло не поразить неприятным образом Екатерины: в напоминании этом она должна была увидеть приглашение к возобновлению полемики по общественным вопросам, которую вела она прежде во «Всякой Всячине» и от которой она только что уклонилась резкими ответами Фонвизину и следующими словами в «Примечании» к его покаянному письму:

«Что ж касается до данного мне совета, чтоб я описание ябедника и мздоимца на себя взял, на то в ответ скажу, возблагодарив наперед за похвалы, в коих себя нимало не узнаю, что в “Былях и Небылицах” гнусности и отвращение за собой влекущее не вмещаемы; из оных строго исключается все то, что не в улыбатальном роде и не по вкусу Прародителя моего, либо скуку возбудить могущее, и наипаче горесть и плач разогревающие драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дело; мы и Грамматику худо знаем, где нам проповеди писать!» **

Написав свой ответ на письмо «восьми человек», не вовремя восприявших намерение допытываться о существовании «бабушки», Екатерина выразила свое неудовольствие тем, что вслед за ответом объявила об отъезде «дедушки» из Петербурга, прибавив, что и она «думает ехать куда-нибудь», т. е. пре-

* Сочинения Екатерины II. Изд. Смирдина. Т. III. С. 58—60.

** Там же. С. 57.

кратить свое сотрудничество в «Собеседнике». Чтобы смягчить государыню, Дашкова поместила тогда в «Собеседнике» письмо к г. сочинителю «Былей и Небылиц»; в письме этом она умоляла его отложить свой отъезд и не прекращать своего сотрудничества в «Собеседнике», так как, в противном случае, его «ни хвалить, ни раскупать уже не станут». Извиняясь пред государыней за напоминание о «бабушке», Дашкова, из боязни лишиться державной сотрудницы, выражалась даже резко об авторах письма «восьми человек»:

«С должным почтением, испрося дозволение, вторую пословицу здесь представляю: рассердясь на блохи, да одеяло в печь, неужели это и с вами сбылось? Петры Угадаевы были, есть и будут; но их существование вас всех менее удивлять должно, ибо самые ваши сочинения их более рождают удобны. Писать хорошо, шутливо, приятно, при том новые совсем мысли, в новом одеянии представленные, везде соль, дальновидность, глубокомыслие и густомыслие (sic!), соединяясь, ваши сочинения отличают от прочих; как же не привить желанья отгадать сочинителя, прародителя его, братьев и знакомых ему и проч. и проч. Противное столь же естественно, как обратное течение реки» *.

На письмо это императрица, хорошо знавшая Дашкову, отвечала насмешливо:

«Всепокорнейше прошу более не прикладывать лепешки с похвалами болячке, не свойственные поведению. С ребячества слыхал я, как лиса говорила ворону... Касательно ж Петров-Угадаевых слышу только, что семья их час от часу более распространяется, Бог с ней!.. Существует ли где вопрошательный народ, того не ведаю, ибо кроме города Питера нигде не бывал; но и не быв пророком предсказать не трудно, где ко времени и к стати ответательный наверно найтися может. Пребываю с отличным почтением ваш и прочее» **.

Известно, что вскоре после этого императрица прекратила свои «Были и Небылицы» ***, но мы встречаем еще в них упоминание о «бабушке», причем указывается и один из ее сотрудников; это был Лев Ал. Нарышкин, известный враг Дашковой³, прославившийся как «шпынь и балагур». Тотчас вслед за

* Сочинения Екатерины. Т. III. С. 62.

** Там же. С. 75—76.

*** Академик Грот затрудняется определить причины желанья Екатерины прекратить «Были и Небылицы» (Грот. Сочинения Державина. Т. VIII. С. 344).

его возражением критику «Былей и Небылиц», причем Нарышкин скрыл свое имя под псевдонимом «Каноника» *, Екатерина объявила в «Былях и Небылицах» «во известие»:

«С немалою радостью сообщается знать желающим и не желающим, что некоторая надежда оказывается получить сведение о почтенной супруге прародителя; ибо на сих днях на запасном дворе “Былей и Небылиц” отыскался ковер шерстяной с разводами по померанцевой земле, отличной величины о котором древности знающие и в оных упражняющиеся, судят, что оный нигде кроме Смоленской губернии (откуда род Нарышкиных), и то не в городе, но в деревне, селе или усадьбе и из домашней шерсти выткан быть мог; из чего выводят, не без основания, будто прабабушкина деревня находилась в том великом княжении, о чем чрез сие сообщается любопытному и любопытному свету» **.

Сквозь недомолвки и подчас мало понятные нам теперь метафоры проглядывает ясно нежелание государыни признать свое участие в журналистике 1769 г. Вот почему, вероятно, в массе материала, оставшегося нам от Екатерины и об Екатерине, мы не встречаем упоминания о ее журнальных трудах этого времени, хотя Екатерина иногда и вынуждаема была высказаться по этому поводу. Так, напр., уже после того, как издание «Всякой Всячины» было закончено ею, Дидро писал, обращаясь к императрице: «Ваше величество хорошо знакомы с порочными и смешными сторонами своего народа; я бы на вашем месте стал травить их парнасскими псами». «Если бы ваше величество лично взялись за эту задачу, — говорит он далее, обращаясь к Екатерине, — то впечатление было бы самое сильное, какое только можно себе представить, и я знаю, что ваше величество может это сделать» ***. Как было не отозваться на эти льстивые слова славолубивой, просвещенной государыне? как было не сказать ей, что совет Дидро является несколько запоздалым, по крайней мере, по отношению к ее журнальным трудам, предпринятым ею для просвещения народа и для смягчения его нравов? Между тем, в переписке своей с энциклопедистами Екатерина ни одним словом не упоминает об издании «Всякой Всячины», о своем сотрудничестве в ней, тогда как охотно сообщает им о «Собеседнике» и «Былях и Небылицах», бесспорно,

* Грот. Сочинения Державина. Т. VIII. С. 334—336.

** Сочинения Екатерины. Т. III. С. 84.

*** La nouvelle Revue. 1883. Сентябрь. См.: Миллер. Екатерина II и энциклопедисты // Новь. Т. I. С. 242.

не имеющих такого просветительного и руководящего значения, как статьи «Всякой Всячины»*. Только счастливая случайность, находка покойным академиком Пекарским четырех лоскутков бумаги, писанных Екатериной собственноручно для «Всякой Всячины» под вымышленными именами, — сберегла для потомства новую чрезвычайно любопытную страницу из истории «долговременной службы государству» императрицы Екатерины II. Да и эти отрывки, по справедливому замечанию Пекарского, уцелели, вероятно, потому только, что почему-то не были сданы Екатериной для напечатания**. <...>

Говоря о том, что «Всякой Всячине» приходилось иногда выдерживать сильные нападки со стороны других журналов, во главе которых стоял «Трутень», издаваемый Н. И. Новиковым, Пекарский замечает: «с своей стороны «Всякая Всячина» заставляет придворного господчика высказывать такие отзывы о «Трутне»: «не в свои де этот автор садится сани. Он де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей знаменитых и на всех. Такая де смелость не что иное есть, как дерзновение. Полно де ево отпряла недавно «Всякая Всячина» очень хорошо: да это еще ничего, в старые времена послали бы ево потрудиться для пользы государственной описывать нравы какова ни на есть царства русского владения» («тонкий намек на Сибирь», — объясняет Пекарский). Но угрожать своим литературным противникам ссылкой в Сибирь, угрожать притом в журнальной полемике, Екатерина не могла: против этого говорило бы не только сердце ее, но и просто практические соображения; и самый «тонкий» намек на Сибирь, при данных условиях, показался бы высокому уму государыни бестактным и безрассудным: в ее власти было, если б она того захотела, заставить замолчать своих противников другими, более, скажем, приличными способами. Еще более невозможными для «Всякой Всячины» кажутся дальнейшие ее слова, приводимые Пекарским: «Ведь де знатный господин не простой дворянин, что на нем тоже взыскивать, что и на простолюдинах. Кто де не имеет почтения и подобострастия к знатным особам, тот уже плохой слуга»***. И действительно, этот отзыв «придворного господчика» о «Трутне» приведен не во «Всякой Всячине», а в

* Грот. Сочинения Державина. Т. VIII. С. 339.

** Пекарский. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II // Приложение к III т. Записок Имп. Акад. Наук. 1863. № 6. С. 1—2.

*** Там же. С. 7—8.

«Трутне» же*, где некий Чистосердов особым письмом характеризует отношения к журналу «знатных бояр» и «придворных господчиков». «Следует заметить, — говорит г. Незеленов в своем исследовании о Новикове, издававшем “Трутень”, — что взгляды подобных господчиков не оправдались; и очень ошибется тот, кто подумает, что императрица в то время разделяла взгляды подобных господчиков. В полемике “Всякой Всячины” с “Трутнем” не зашло и речи о придворных и знатных людях, и Новиков продолжал обличать их после предостережения Чистосердова так же, как и прежде, даже еще с большею резвостью и без оговорок**». Во всяком случае, уже то делает честь уму и сердцу государыни, что она удостоивала полемизировать с тем, кого ее окружающие считали достойным Сибири, и тем оказывала ему даже нравственную поддержку. Но г. Незеленов не указал в своем сочинении на странную ошибку Пекарского, и, может быть, поэтому она повторяется до сих пор даже в учебных книгах по истории русской литературы***. На память державной писательницы ложится темным пятном именно то, что должно было бы, наоборот, сделать образ ее более светлым, симпатичным.

И между тем, ученый недосмотр этот косвенно подтверждал вряд ли справедливое заключение и о происхождении литературной деятельности Екатерины II. Совет Дидро государыне — «травить парнасскими псами смешные и порочные наклонности своего народа» <...> оказался и запоздалым по отношению ко «Всякой Всячине», но все же он дал некоторое основание мнению, что императрица, под влиянием господствовавшего тогда учения о просвещенном деспотизме, старалась служить мертоном для нашей литературы и своими сатирическими журналами, и своими комедиями****. При кажущейся своей основательности мнение это, в сущности, построено на смешении понятий, является как бы софизмом. Можно сказать даже, что литературные произведения Екатерины скорее являются отрицанием деспотизма, хотя бы то и просвещенного. <...>

* Трутень. С. 50—51, изд. Ефремова.

** Незеленов. Николай Иванович Новиков, издатель сатирических журналов. С. 168.

*** См.: Порфирьев. История русской словесности. Ч. II. Отд. II. Казань, 1884. С. 63; Полевой. История русской литературы в очерках и биографиях. 3-е изд. 1878. С. 344—345. Оба автора ссылаются на «Материалы» Пекарского.

**** См., напр., указанную выше статью Миллера «Екатерина II и энциклопедисты» (С. 243).

Заметим, кстати, что «просвещенные деспоты» XVIII века — Фридрих II, Иосиф II, Густав III — вовсе не думали влиять на умы своих подданных путем убеждения, предпочитая действовать исключительно силой власти.

Какие ж цели побудили Екатерину выступить в роли публициста и основанием журнала «Всякой Всячины» положить фундамент публицистики в России? Мы едва ли ошибемся, если придадим полную веру словам императрицы, так определявшей цель издания «Всякой Всячины»: «я хотел, — говорит она от имени издателя, — показать, первое, что люди иногда могут быть приведены к тому, чтобы смеяться самим себе; второе — открыть дорогу тем, кои умнее меня, давать людям наставления, забавляя их, и третье — говорить русским о русских и не представлять им умоначертаний, кои оные не знают»*. В этой программе все ясно и все соответствует характеру, мыслям и действиям Екатерины: нет надобности предполагать, что литературными своими трудами государыня думала укрепить личное свое положение на престоле**, в стране, где литература в то время не имела никакого общественного значения. Принимая, вместе с Бецким, воспитательные меры для создания «новой породы людей», кладя, таким образом, основание для будущего, императрица не могла в то же время не думать об орудии, которое должно было бы воспитательным образом действовать и на современное ей общество, погрязшее в невежестве и пороках. Наиболее удобным средством для этого казалась сатира, приобретшая уже большее значение в Англии и во Франции; невежество и пороки следовало, по мнению Екатерины, представлять со смешной стороны, способной возбуждать к ним отвращение, да и наставления должны быть излагаемы в забавной, шуточной форме, как более удовлетворяющей вкусу читателей. Форма эта была тем удобнее, что давала возможность высказаться по общественным вопросам лицам разных классов русского общества, не придавая их заявлениям общего, официального характера. Известно, что Екатерина, по собственному ее сознанию, любила изведывать мысли просвещенных классов народа; для этой цели, между прочим, и для ознакомления с потребностями народа она и создала знаменитую комиссию для составления проекта нового уложения. Отсрочив по обстоятельствам, в декабре 1768 г., заседания этой комиссии, Екатерина, может быть, думала отчасти восполнить образовавшуюся около

* Всякая Всячина. С. 501—502.

** Добролюбов в статье «Русская сатира в век Екатерины».

нее пустоту путем журналистики, которая должна была говорить русским о русских и знакомить государыню с состоянием умов того времени. Цели просветительные соединялись, таким образом, с целями политическими — путем обмена мнений, путем соглашения, определить истинные потребности народа и отыскать разумные, целесообразные способы к их удовлетворению. Поэтому скромные слова Екатерины, что с изданием «Всякой Всячины» она хотела «открыть дорогу тем, которые умнее ее», вполне объясняют нам тот замечательный факт, что вслед за «Всякой Всячиной» появился целый ряд сатирических журналов с общественно-политической окраской, из которых, по тону и резкости своих обличений и истинно-патриотическому характеру своего направления, выдавался в особенности «Трутенъ», издававшийся знаменитым Новиковым *. Поэтому мы не можем согласиться с мнением, что «Всякой Всячине», т. е. ее издателю, будто бы не нравилось размножение сатирических журналов **; отрывок, писанный рукой Екатерины, на котором основываются, приводя это мнение, доказывает, по нашему мнению, противное. Вот этот отрывок:

«Госпожа бумагомарательница — “Всякая Всячина”. По милости вашей нынешний год отменно изобилует недельными изданиями. Лучше бы мы любили изобилие плодов земли, нежели жатву слов, которую вы причинили. Ели бы вы кашу, да оставили бы людей в покое; ведь и профессора Рихмана⁴ гром бы не убил бы, если бы он сидел за щами, а не выдумал шутить с громом. Хрен бы вас съел, даже и нам, старикам и старухам, спуска нет. Для чего вы меня с сестрой обижаете? Я вас в лицо не знаю, а вы нас описываете. Ну, хорошо ли это, я вас спрашиваю?.. Ругатели какие! Ну, разве вы не попадетесь мне за городом, где ни на есть на встречу» ***.

Письмо это составлено императрицей, очевидно, от имени какого-то лица, задетого стрелами сатирических журналов, и шутливый тон письма свидетельствует, что фраза: «лучше бы

* Поздравляя, при самом начале своего издания, читателей с Новым годом, «Всякая Всячина» говорит следующее: я «...вижу будущее. Я вижу бесконечное племя “Всякой Всячины”. Я вижу, что за ней последуют законные и незаконные дети».

** Такого мнения держится Пекарский (см. его «Материалы») и Незеленов (см. его исследование о Новикове).

*** Пекарский. Материалы... С. 2—3. Первый появившийся после «Всякой Всячины» журнал «Ни то ни се» был приветствован «Всякой Всячиной» весьма сочувственно (С. 73—74). Одновременно почти с нею стал выходить журнал «И то и се».

мы любили изобилие плодов земли, чем жатву слов, которую вы причинили» — есть выражение чувств обиженного, а не взгляды самой писательницы; тогда как слова: «по милости вашей (т. е. «Всякой Всячины») нынешний год отменно изобилует недельными изданиями» доказывают, что виновницей их появления, по собственному сознанию и по мнению общества, была сама Екатерина. И журналы 1769 г. смотрели на «Всякую Всячину» как на свою прародительницу, называя ее своею «бабушкой», а себя ее «внучатами»; так, по крайней мере, продолжалось до тех пор, пока родственные отношения эти не испортились с началом острой полемики, возникшей в скором времени между «Всякой Всячиной» и прочими журналами: исходя из той точки зрения, что бабушка «изображает слабость своего разума», не сходясь с ними во мнениях, внучата поставили вопрос: «почто же называться роднею? или она уже выжила из ума?» *

Весьма важно уяснить, насколько Екатерина свою журнальную деятельность заслужила такие резкие отзывы своих литературных противников, — отзывы тем более для нас неожиданные, что нам известны уже гуманные и благие цели предпринятого ею издания «Всякой Всячины». Если в пользу ее противников может подкупить нас одно присутствие в среде их такого человека, как Новиков, который уже оценен по своим бесспорно великим заслугам, как «первая независимая общественная сила» и один из симпатичнейших русских людей XVIII в., — то посреди журнальной брани величественный образ самодержавной государыни не напоминает ли нам живее бессмертных слов ее «Наказа»: «Мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что мы сотворены для нашего народа?» **

Прежде всего заметим, что полемика, возникшая между «Всякой Всячиной» и ее внучатами, между которыми по смелости и резкости своих обличений выдавались особенно «Трутень», «Смесь» и «Адская Почта», не могла не заинтересовать в высокой степени современное этим журналам общество как по новости появления самой журналистики, посвященной «злобе дня» того времени, так и по высокому положению одной из полемизировавших сторон. На литературу вообще, в особенности на русскую, общество наше смотрело как на забаву, литерату-

* Смесь (журнал 1769 г.). С. 85—86. Подобные же выходки против «Всякой Всячины» встречаются часто на страницах и других журналов этого времени.

** Сочинения Екатерины II. Т. I. С. 116.

ров считало чуть не за балагуров, помогающих досужим людям приятно убить свое время, — и вдруг читают в «недельных листках» анонимные статьи о таких щекотливых «материях», о которых еще так недавно никто не смел рассуждать вслух. Печальное состояние правосудия в России, ужасы крепостного права, повальное невежество, грубость нравов и продажность даже в высших классах общества, — все это ярко обрисовывается и обсуживается на страницах сатирических журналов 1769 г. Можно представить себе переполох, поднятый в тех «темных царствах», куда не проникал еще луч света, и где, среди духовной слепоты и нравственной грязи, так привольно и легко было щукам ловить карасей! Смущение должно было увеличиться еще более, когда узнали, что во главе журнального движения, возмутившего общественную тишь да гладь, стоит сама государыня. Если об участии ее во «Всякой Всячине» знали журналисты*, то тем менее могло оно укрыться от «придворных господчиков» и «знатных бояр», которым легко было догадаться об источнике небывалой еще в России свободы слова. Понятно, с каким интересом и с какой тревогой дворянство, чиновничество и знать, как и все грамотные люди, должны были прислушиваться к голосу журналов 1769 г. и в особенности к голосу «Всякой Всячины»: ** в издательнице и главном редакторе ее, т. е. Екатерине, все видели не писательницу, слова которой разносились бы ветром, а самодержавную императрицу, имевшую возможность приложить свои идеи к практике. По этому неудивительно, что Екатерина, дав свободу другим журналам, сама, однако, вынуждена была быть крайне осторожной в изложении своих мнений во «Всякой Всячине», лавировать, прибегать к недомолвкам и, быть может, не всегда говорить искренно: она не могла не знать, какое значение придадут каждому ее слову. Некоторая двойственность, замечаемая в направлении «Всякой Всячины», служит, по нашему мнению, лишь отражением политического положения государыни и трудности принятой ею на себя задачи — быть публицистом — проповедником новых идей и реформ, намеченных еще в «Наказе», и в то же время сохранять беспристрастие, достоинство и умеренность монархини при столкновении личных мнений, сословных интересов или при возбуждении таких вопросов, решение которых для нее, как главы государства, в видах «общей пользы и общего

* Незеленов. Н. И. Новиков. С. 165.

** Об этом положительно свидетельствует Макаров. См.: Отеч. записки. 1839. V. Смесь. С. 27.

блага», могло казаться несвоевременным. Думать, что Екатерина, будучи самодержавной императрицей, могла делать, что хотела, проводить свои идеи в жизнь без особых затруднений, значило бы не знать Екатерины, не знать эпохи, в которой она жила. Ум государыни, практический, холодный, чужд был односторонности и прямолинейности в воззрениях, а воля, при всей своей твердости и устойчивости, не сокрушала препятствий, а обходила их, насколько это было возможно; вообще, Екатерина избегала суровых, жестких мер, любила действовать осторожно, медленно, без потрясений общественного организма, не походя в этом отношении на Петра Великого, бывшего ее образцом. Правда, и положение ее было очень трудное. Уже по вступлении на престол, она выслушивала притязания К. Разумовского на наследственное гетманство в Малороссии, проект Н. Панина об образовании Совета при Екатерине, долженствовавшего носить олигархический характер; не говорим уже о хаосе, царствовавшем в управлении огромной империи, о беспорядках и злоупотреблениях, сделавшихся обычными явлениями. Вот почему императрица действовала крайне осторожно и медленно; делая одно, закрывала глаза до времени на другое; щадила личности, надеясь уничтожить злоупотребления в корне, и, думая предпринять какую-либо реформу, тщательно изведывала почву, чутко прислушиваясь к отзывам лиц компетентных или заинтересованных. Когда дворянство в Комиссии уложения высказалось против уничтожения крепостного права, Екатерина не решилась действовать собственной властью, как ни желала освобождения крестьян: дворянство было в то время и мечом, и пером России, — но зато достигла других целей. Самые чистые, бескорыстные, направленные к «общему благу и общей пользе», стремления просвещенной монархини разбивались при встрече с суровой действительностью; мало того, государыня часто должна была скрывать свои мысли и придавать им иное значение. Что такое положение дел производило тяжелое впечатление на Екатерину, что разница в мыслях и делах должна была заставлять ее задумываться над причиной, которая вынуждала самодержавную императрицу поступать иногда вопреки собственным мыслям и чувствам и идти к цели окольными путями, — видно из бумаг, недавно обнародованных из переписки Екатерины с д'Аламбером*. В числе этих бумаг находится следующая записка Екатерины к д'Аламберу (из письма к г-же Жоффрен), писанная ею в конце 60-х годов,

* Г. Кобеко в «Историческом вестнике» (1884. Т. XVI).

которую мы, по ее важности для характеристики императрицы, решаемся привести целиком:

Предлагается вопрос: от накопления хороших правил, примененных на практике, произойдет ли хороший и полезный общий результат?

Для того, чтобы дать точный ответ на этот вопрос, желательно, чтобы он был более развит.

Несомненно, прежде всего, что если правила, о которых идет речь, действительно хороши, истинны, выражены точно и таким образом, что не подлежат никакому изменению, ни ограничению в их изложении, то в случае применения их на практике не может не произойти очень хороший результат. Если же подобного результата не произойдет, то это будет значить, что неосновательно смотрели на эти правила, при применении их на практике, как на правила безусловно общие и неизменные. Пример: *прекрасно прощать* — вот превосходное общее правило. Но, однако, законодатель, государь и т. д., которые постоянно применяли бы его на практике, открыли бы дверь всякого рода преступлениям, потому что это правило, в его общности, нужно лишь для частных лиц, но не для государства; даже не вполне еще верно, чтобы оно могло существовать без ограничения и для частных лиц, Другой пример: *нужно всегда говорить людям правду*. Вообще, это вполне справедливо, но справедливо ли это без ограничения? Было ли бы благоразумно и полезно провозглашать по улицам Константинополя: *Магомет обманщик!* Можно бы привести тысячу подобных примеров. Заключение мое состоит в том, что от накопления хороших правил, примененных на практике, может произойти и дурной результат, если не будут приняты во внимание те изменения, которым иногда (и даже часто) должны подвергаться эти правила при применении их на практике и которые зависят от места, времени, лиц, народного характера, — одним словом, от тысячи различных причин, которые законодатели и государи должны знать и принимать в соображение*.

Что отвечал д'Аламбер Екатерине на этот вопрос и какими пределами он ограничивал путь компромиссов, на который готовилась вступить монархия, — неизвестно; но можно подозревать, что легкость морали творцов энциклопедии дала себя знать и в этом случае: д'Аламбер должен был скорее наталкивать Екатерину по скользкому пути компромиссов на сделки с совестью, чем воздерживать ее от этого, уже в силу присущего энциклопедистам цинизма воззрений на жизнь и человека. Можно даже пожалеть, что за разрешением таких вопросов Екатерина обращалась к французским философам: ведя борьбу против грубости нравов и невежества современного ей общества, она в то же время должна была, в видах гуманности и пользы человечества, быть настороже и от самих философов,

* Там же. С. 295—296.

стоявших во главе умственного движения века. В этом смысле, может быть, митрополит Платон был не совсем неправ, высказавшись открыто против сношений Екатерины с энциклопедистами, чем вызвал самооправдание императрицы*.

Темные стороны влияния Вольтера и др<угих> философов на Екатерину и современное ей русское общество уже установлены с достаточною ясностью**. Те действия Екатерины, которые подвергаются порицанию в настоящее время, совершенно оправдывались духом и направлением философии XVIII в., и наоборот, эта же философия была против гуманных мер, которые желала провести императрица в начале своего царствования. Стремление императрицы освободить крестьян встретило противодействие со стороны тех же философов, сошедшихся в этом случае во взглядах с ярыми крепостниками екатерининской эпохи. Простой народ, по их мнению, «должно школить как медведей»; «разум восторжествует, но у людей благородных, каналы (sic!) созданы не для него»; «нужно разрушить суеверие у благородных людей и оставить канальям»; «народ, это — быки, которым нужно ярмо, погонщик и корм»; мало того, они думали, что освободить или не освобождать крестьян составляет право помещиков, а отнюдь не императрицы***. Такие воззрения «передовых людей» не могли, разумеется, не смущать Екатерины, уже предчувствовавшей сопротивление дворянства и смягчившей, вследствие того, первоначальную редакцию «Наказа». Но и в среде Комиссии Уложения мысли Екатерины об освобождении крестьян не встретили сочувствия; напротив, «от дворянства, купечества и духовенства послышался дружный и страшно-печальный крик: «рабов!»****. Как недовольна была Екатерина этим трогательным единодушием между французскими философами и русскими крепостниками, видно из следующей записки ее, сохранившейся в Государственном архиве: «есть ли крепостного нельзя признать персоною, следовательно он не человек; но его скотом извольте признавать, что к немалой славе и человеколюбию от всего света нам приписано будет. Все, что следует о рабе, есть следствие сего богоугодного положения и совершенно для скотины и скотиною делано»*****.

* Сборник ИРИО. Т. XIII. С. XVIII.

** *Незеленов*. 1) Николай Иванович Новиков; 2) Литература в екатерининскую эпоху // Исторический вестник. 1884. Т. XVI.

*** Исторический вестник. 1884. Т. XVI. С. 256—259.

**** *Соловьев*. История России. Т. XXVII. С. 121.

***** Там же. С. 329, в «Примечаниях».

«Умоначертание» народное высказалось и в вопросе о пытке. Хотя в «Наказе» Екатерина и осудила пытку, но гласно отменить ее не решилась, разослав только секретное предписание губернаторам не употреблять ее в делах, доходящих до пытки. Указ Екатерины об уничтожении пытки, уже написанный, встретил такое сопротивление, что она должна была ограничиться одной только этою мерой. В известной биографии Сиверса рассказывается, «что сенаторы, министры стали говорить, что теперь никто, ложась спать вечером, не может поручиться, жив ли станет поутру; что ни дома, ни в постели не будет безопасности от злодеев» *. <...> Но, увидев, что почва, на которой она хотела посеять добрые семена реформы, оказалась неудобной для посева, Екатерина не потерялась: она задумала произвести, по выражению Соловьева, удобрение почвы посредством нравственно-политического развития народа. Для этой цели, как мы сказали выше, она и обратилась к журналистике, хотя и здесь должна была действовать с осторожностью, строго взвешивая каждое слово и ограничивая иногда действие хорошего правила: нужно всегда говорить людям правду. Зато «Трутенъ» и другие журналы, вызванные Екатериной к жизни, пользовались, как мы увидим ниже, самой широкой свободой слова, какой не пользовались почти никогда, ни прежде, ни после, русские журналы. Благодаря этой свободе журналы эти, преследовавшие те же просветительные и общественные цели, как и журнал Екатерины «Всякая Всячина», разошлись скоро во взглядах со «Всячиной» на средства к достижению этих целей, и тогда началась полемика, в которой главным противником «Всякой Всячины» явился «Трутенъ», издаваемый Новиковым.

Ради чего же поссорилась «бабушка» со «внучатами?» чем объяснить то обстоятельство, что, не сойдясь во взглядах на реформы ни с философами, ни с комиссией, императрица должна была вступить в борьбу и с теми, которые вполне сочувствовали ее преобразовательным целям и, казалось, могли быть только ее союзниками и опорой? Не испытала ли императрица и здесь нового разочарования при всей искренности и наилучших намерениях своих литературных противников?

Высокоофициозное значение «Всякой Всячины», как негласного органа главы государства, должно было отразиться и, дей-

* Что уничтожение пытки в екатерининское время, с юридической точки зрения, не даром казалось обществу опасной мерой, см. в статье К. П. Победоносцева (Русский вестник. 1860. Т. XXX. С. 467—471).

ствительно, отразилось на характере и тоне этого издания. «Говоря русским о русских», Екатерина поневоле должна была быть чрезвычайно сдержанной и осторожной по отношению к язвам общественного быта. Главным же предметом ее обличений были злоупотребления в сфере действующего законодательства и преимущественно грубость нравов и невежество. Вместе с лучшими умами XVIII в. Екатерина думала, что корнем всему добру и злу является воспитание, — взгляд столь же крайний, как и взгляд новейшего времени, когда исключительное значение стали придавать лишь образованию, смеясь над словами Стародума, что «наука в развращенном человеке есть лютое орудие делать зло»; питая недоверие к действительности крутых мер власти против зла, которым поражен весь общественный организм, императрица была уверена, что злоупотребления и язвы общественного быта будут исчезать по мере смягчения грубости нравов, когда в порочную среду станут проникать светлые, гуманные и высоконравственные идеи; частные административные меры и журнальные обличения проявлений зла, по мнению Екатерины, не достигали своей цели, разжигая только личные страсти, возбуждая недовольство в обществе и мешая спокойному обсуждению вопросов. Преследуя общие, воспитательные цели, «Всякая Всячина» предполагала только «изредка касаться пороков, чтобы тем под примером каким не оскорблять человечества; но, располагая свои другим наставления, поставлять пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, т. е. добронравием и справедливостью... присоединять к тому пользы, из того проистекающая, и сладкое сие удовольствие, какое чувствует хранящий добродетель... Вот славный способ исправляти слабости человеческие!» *

Характер журнала определился уже в первых его выпусках: с одной стороны, помещено было в них довольно злое стихотворение, направленное против дворянских предрассудков, а с другой — статья, содержание которой является ответом на вопрос: «к чему служат законы, когда нравы испорчены».

Такая односторонняя, узкая программа «Всякой Всячины» при свободе «говорить русским о русских», разумеется, не могла быть усвоена другими журналами: издатели их не были в том фальшивом и стесненном положении, в каком находился издатель «Всякой Всячины», а в целях Екатерины было очень желательно, чтобы они говорили то, чего не могла сказать она по

* «Всякая Всячина», в письме Добросоветова (С. 213—215).

своему высокому положению. В то же время издатели журналов 1769 г., и в особенности Новиков, не разделяли увлечения императрицы идеей исправления язв общественных путем воспитания и, не зная о трудности положения государыни, возлагали, может быть, слишком пылкие надежды на возможность этого исправления действием власти, мерами законодательными; не могли они также понять, как можно, говоря о зле, не указывать частных его проявлений в жизни, так как только таким образом можно было создать правильное представление и о свойствах зла, и о размерах его. Самая умеренность тона; крайняя сдержанность и терпимость «Всякой Всячины», исходившая из свойств положения и личного характера императрицы, производила неприятное впечатление на ее собратьев по журналистике — в эпоху, о которой сама Екатерина писала впоследствии: «мысли и умы долго были угнетены под тяжестью тайны, вдруг, яко плотина от сильной водополи, прорвались, а накопленная вода стекает до тех пор, пока, не осушив дна, онаго не откроет» *. Нет ничего странного, значит, в том, что, почти тотчас по рождении, «внучата» объявили «бабушке» войну, в которую она, однако, вступила с видимой неохотой; зная великодушные «бабушки», не будем также удивляться, что к брани и оскорблениям, какими осыпали ее возмущившиеся «внучата», она отнеслась с тем же спокойствием и тою же терпимостью, которые и послужили поводом к раздору **.

Любопытны подробности этой замечательной полемики как по важности ее исторического значения, так и по вопросам, затронутым ею, о хищениях разного рода, с соблюдением или без соблюдения законных форм, о связи этих хищений с состоянием общества и государства и, наконец, о мерах к их искоренению. В связи с этим впервые в русской литературе был поднят и принципиальный вопрос: является ли улучшение нравственных свойств общества следствием коренных изменений в учреждениях и законодательстве, или, наоборот, не должны ли эти изменения совершаться лишь по мере развития народной нравственности и в строгом соответствии с нею. Припомним,

* Сочинения Екатерины II. Т. III. С. 12.

** Указания на эти крайне неприличные выходки «внучат» находят-ся, между прочим, и в статье г. Тимофеева «Образцы журнальной полемики прошлого века» (Исторический вестник. 1887. Сентябрь). Автор, к сожалению, проглядел значение этих выходок для характеристики Екатерины. Следуя Пекарскому и г. Незелену, он относит эту брань вообще к редакции «Всячины», забывая, что «внучата» отлично знали, кто стоит во главе этой редакции.

что этот же вопрос, по поводу речи Достоевского на пушкинском празднике⁵, вызвал ряд тенденциозных толкований и в современной литературе, хотя, казалось бы, в настоящее время нельзя не признать самой постановки вопроса не совсем правильной в такой резкой, категорической форме: истина, бесспорно, находится *между* двумя этими противоречивыми мнениями, не нуждаясь для своего торжества ни в «реакционных», ни в «либеральных» кличках и измышлениях. <...>

С самого начала издания «Всякой Всячины» Екатерина не только сама избегала столкновений на журнальном поприще, но, сознавая высокое значение печатного слова* и имея в виду лишь достижение намеченной просветительной цели, заботилась также о том, чтобы и другие журналы «хранили между собой ненарушимую дружбу и согласие вечное». Так, после легкой размолвки, происшедшей между «Всякой Всячиной» и «Ни то ни се», она спешила уничтожить в самом корне источник размолвки. «Объявляем нашим корреспондентам, — писала она во «Всякой Всячине», — добровольно, непринужденно, в удовольствии публики, что ни единое такое письмо, ни сочинение не будет более иметь места во Всякой Всячине, из которого бы могли родиться споры и брани с прочими издаваемыми листами; советуя притом, по праву старшинства, и поколению Всякие Всячины отложить все домашние распри, и только единственно упражняться довольствовати читателей приятными и полезными задатками»**. «Корреспонденты» «Всякой Всячины» и впоследствии, однако, подали повод к возбуждению полемики между журналами, на этот раз более серьезной по своему содержанию и характеру. Нужно сказать, что уже во втором листе своего журнала, для успеха своего дела, Екатерина сочла необходимым обратиться за содействием к обществу: «...может

* «О печать! Конечно, сам Бог просветил того человека, кто тебя выдумал. Тобою сохраняются описания великих дел человеческих; тобою летают мысли гения от востока до запада, от полудня до полуночи; ты истребляешь вредные роду человеческому предрассуждения, тобою открывается истина; тобою из примеров научаются цари царствовать, министры охранять отечество, полководцы искусству воинскому, судьи розысканию правды. Колико споспешествуешь ты людям ко благополучию!..» (Всякая Всячина. С. 117—118).

** Там же. С. 97—98. Все редакционные статьи, по нашему мнению, если не писаны императрицей, то, несомненно, внушены ею как главным редактором; вот почему, не говоря уже о других основаниях, мы и приписываем их ей.

статья, — объявила она, — иногда разные люди пожелают нам сообщить свои мнения, сочинения или переводы, либо подать нам советы, или иметь с нами переписку для внесения чего либо в наши листы с приложением имени своего *или без имени*: то дабы способствовать каждому из них в отыскании наших жилищ, мы сим объявляем, что на почтовом дворе приняты будут пакеты с надписью: Господину сочинителю “Всякие Всячины”... Мы же обещаем вносить в наши листы все то, что нас не введет в тяжбу с благочинием, лишь бы оно чуть сносно было написано; ибо под заглавие “Всякая Всячина” все годится как стихи, так и проза” *. Такое приглашение, разумеется, не могло пройти бесследно: чрез две недели редакция «Всякой Всячины» сообщила уже об огромном количестве полученных ею писем **. Без сомнения, содержание этих писем не могло в высокой степени не интересовать государыни: письма эти должны были служить ей одним из источников для знакомства с состоянием русского общества. Касаясь сначала преимущественно литературных и моральных вопросов, авторы писем, по мере уяснения «Всякой Всячиной» своей программы, не могли не затронуть потом и тех темных сторон русского общества, которые в значительной степени зависели от недостатков в строе государственных учреждений; жаловались, главным образом, на хищения и злоупотребления чиновников вообще и на неправосудие в частности. Сама императрица установила в своем журнале верную точку зрения на хищения вообще: *«Как бы подарков ни называли, все они суть покрывалом подкупа. Честный человек всегда глядит на сие, как на вящую неправду, и будет доволен малым достатком, честно приобретенным, чем большим, который составлен из притеснения и грабительства»* ***. Государыня не могла, однако, быть довольной характером и тоном присылаемых ей обличений: корреспонденты ее вовсе не думали рассуждать о зле вообще, с отвлеченной точки зрения, а указывали большею частью на частные факты злоупотреблений, производимых теми или другими лицами. Иного трудно было и ожидать: с одной стороны, выяснить свойства и размеры зла можно только при изучении его проявлений, а с другой — разве нельзя допустить, что цели многих корреспондентов, не любивших пускаться в умозрения, были только самые практические: довести до сведения «кого следует» о творившихся там и сям «вящ-

* Всякая Всячина. С. 16.

** Там же. С. 33.

*** Там же. С. 100.

ших неправдах», особенно в виду слухов, что во «Всякой Всячине» принимает участие сама Екатерина? Письма таких корреспондентов должны были поставить державного редактора «Всякой Всячины» в затруднительное положение: он обещал печатать в своем журнале присылаемые ему сообщения, а между тем не имел возможности ни поручиться за их достоверность, ни проверить их; может быть также, что авторы этих сообщений, вообще не отличаясь, при рассказе о злоупотреблениях, особо мягкостью тона и сдержанностью выражений, не чужды были даже, в увлечении негодования, и преувеличений; если, наконец, припомним, что корреспондентам дозволено было императрицей присылать свои письма даже «и без имени», то вряд ли ошибемся, сказав, что некоторые из этих писем были просто анонимными доносами. Будем ли мы винить Екатерину за то, что она сочла эти письма за «дурную сатиру», которая, «не умея шутить в длину и поперек, рассуждениями своими падает всегда на особы. Она задирает порочного, а не пороки»? * До какой степени Екатерине претило всякое «задевание особ, что по чужестранному персоналитет называется», видно, напр., из того, что совершенно невинное письмо одного корреспондента, описывавшего литературные занятия своего приятеля, она обещала напечатать тогда только, когда тот «хотя одною строкою уверит, что его известный приятель не осердится за внесение присланного им письма во «Всякую Всячину» **. Каковы бы, впрочем, ни были тенденции присылаемых в редакцию «Всякой Всячины» сообщений, Екатерина не могла печатать все сообщения уже по многочисленности их, а также, главным образом, по крайнему разнообразию их содержания: «ни из чего не можно так узнать, — писала она, — различия мнений, кои бродят сквозь понятия рода человеческого, как из великого числа писем и сочинений, кои к нам почти еженедельно присылаются» ***. Для государыни стало ясно, что для успеха журнальной работы, предпринятой ею, необходимо сосредоточить внимание всех своих собратьев по журналистике на обсуждении известных, раз поставленных вопросов, и что решение их возможно только путем серьезной, разумной полемики. Поэтому, заявив во «Всякой Всячине» о сказавшемся «различии мнений», Екатерина, изменяя прежнему своему

* Там же. С. 101.

** Там же. С. 144. Письмо это, по представлении желаемого уверения, и было потом напечатано во «Всякой Всячине».

*** Всякая Всячина. С. 111.

намерению не допускать споров в журналистике, в том же выпуске своего журнала поместила следующее письмо: «...Спорить, по моему мнению, не говорить там да, где кажется должно сказать нет; следовательно, это знак не льстеца, да и не труса... Извольте, г. сочинитель (т. е. редактор), также князя, графы, дворяне, мещане*, старики, середовичи, молодые, всякаго рода люди обоего пола, и вы, листа на полтора там и сям прочетшие господа, кончающиеся на *сты*, т. е. волтеристы, гелвецисты и прочие, — извольте со мною спорить обо всем о чем хотите, разумею я, кроме тех пунктов, о которых в целом свете публично спорить запрещают. Извольте, я начинаю. Но чтобы придать важности моим спорам, беру материя философиическую. Я утверждаю, что *человек свободен, т. е. не принужден обстоятельствами делать то, а не другое*. А инако прав был бы судья, который последнее пропитание у челобитчика отымает; также и тот, который с челобитчиками как с своими рабами обходится. Не был бы виноват и тот сержант, который, не растолковав солдату, как делать на караул, ударов триста влепит ему в спину за то, что он не так делает...»

Но открывая этим письмом страницы своего журнала для полемики по общественным вопросам, Екатерина сочла нужным еще раз уяснить свой взгляд на полемику: «Сему нашему корреспонденту, — прибавляет она в редакционном «Примечании» к его письму, — в помощь приведем здесь правило старинного мудреца, который произрек тако: спорить должно не горячась, а противоречить и противоречия терпеть без сердца; мы же прибавляем к сему от себя — и без брани»**. Золотое правило, малую применимость которого к практике — увы! — пришлось на опыте испытать самому державному полемизатору!..

Тезис, поставленный во «Всякой Всячине» для обсуждения: «я утверждаю, что человек свободен, т. е. не принужден обстоятельствами делать то, а не другое», очевидно, есть перифраз основной мысли Екатерины, что нужно сначала возвысить нравственный уровень народа, а потом уже совершить изменения и в «обстоятельствах», т. е. учреждениях. «Если к должностям, — писала она ранее, — употребляемы будут люди с воспитанием и сознанием, менее услышим о корыстолюбии»***. При обсуждении этого тезиса, конечно, не могло остаться невыясненным, что известный строй и характер учреждений, если

* Характерное умолчание про духовенство и крестьянство.

** Всякая Всячина. С. 118—120.

*** Там же. С. 100.

даже действительно не может совратить с пути истины честного деятеля, может зато дать широкий простор злоупотреблениям деятелей порочных и деморализующим образом влиять на массу соприкосновенных лиц с слабой волей и с неустановившимися нравственными воззрениями. Можно и должно было заботиться о просвещении народа, но должно было в то же время изменить те государственные учреждения, под покровом которых совершались незаконные деяния, своею безнаказанностью оскорблявшие народную нравственность и тем парализовавшие благие меры Екатерины к «исправлению нравов». Вопреки мнению Екатерины, «обстоятельства», т. е. институт крепостного права, равно как и дух чиновничества и бюрократического порядка вещей, даже при свободе человека делать то, а не другое, «делали правым и судью, который последнее пропитание у челобитчика отымает, и того, который с челобитчиками как с своими рабами обращается». Оттого нельзя не сочувствовать журнальным противникам Екатерины, которые целым рядом сообщений свидетельствовали о незаконных действиях органов Верховной Власти, как нельзя винить и государыню, предпочитавшую на журнальном поле, сообразно с условиями своего положения и с свойствами своего характера, вместо частных суровых обличений, стремиться к уничтожению зла в самом его корне; если можно сожалеть, что Екатерина ошибалась в определении корня зла, то трудно согласиться и с противниками ее, видевшими лекарство от хищений и неправосудия, главным образом, в суровой каре виновников злоупотреблений. <...>

Как и следовало ожидать, корреспонденты государыни по своему поняли ее тезис. Если обстоятельства, рассуждали они, не могут оправдывать человека в его дурных поступках, то какому наказанию должны быть подвергнуты те, кто, пользуясь своим официальным положением, не только не заботится о соблюдении государственного и частного интереса, но и действует во вред им! Оттого, конечно, и сообщения, присылаемые во «Всякую Всячину», не изменив своего характера, стали еще резче и определеннее в своих нападках и обличениях. Вероятно даже, как видно из последующего, некоторые из корреспондентов, не ограничиваясь этим, навязывали императрице свои теории, касавшиеся управления государством, хотели, как после Фонвизин, учить ее царствовать. Это раздражило Екатерину и заставило ее категорически отречься от солидарности с авторами обличительных писем. Отказываясь напечатать эти письма, она объявила, что содержание их относится не к ее «департаменту» и что поэтому она просит своих корреспондентов «не

трудиться впредь подобными присылками». Любовь к ближним, объясняла она, должна простираться более на снисхождение и человеколюбие, чем на исправление, а кто не имеет любви, а видит только пороки, тот не способен подавать наставления. Нельзя мерить жизнь на идеальную мерку, как делают то люди, уверенные в непогрешимости своих доктрин и изливающие свою желчь на все окружающее, если оно не укладывается в излюбленные ими рамки. Везде люди эти «видят пороки там, где другие, не имея таких, как они, побудительных причин, на силу приглядеть могли слабости, и слабости весьма обыкновенные человечеству. Ибо все разумные люди признавать должны, что один Бог только совершен; люди же смертные без слабостей никогда не были, не суть и не будут». Доктринеры, по известному правилу *fiat justitia, pereat mundus*⁶, все готовы принести в жертву для торжества своих идей и тем «похожи на Калигулу, жалевшего, что род человеческий не имеет одной головы, дабы отрубить ее разом». «Наш же полет, — писала Екатерина, — на земле, а не на воздухе, еще менее до небеси; сверх того, мы не любим меланхолических писем». Поэтому она просила своих корреспондентов соблюдать следующие правила: «1) никогда не называть слабости пороком; 2) хранить во всех случаях человеколюбие; 3) не думать, чтоб людей совершенных найти можно было; 4) просить Бога, чтобы нам дал дух кротости и снисхождения; 5) впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит и 6) никому не думать, что он весь свет может исправить» *.

Нигде, по нашему мнению, не сказала так личность великой государыни и не выяснен так резко характер ее царствования со светлыми и темными его сторонами, как в этих шести ее правилах, ставших не совсем справедливо предметом жестоких нападок со стороны не только журнальных ее противников, но и современных историков литературы. Нет ни необходимости, ни основания смотреть на эти правила, как на проявление материалистической мысли волтерьянства **: они подсказывались ей добрым сердцем, не допускавшим жестокости, и практическим, чуждым иллюзий умом; весьма шаткие при теоретическом их обсуждении, правила эти <...> вытекали как из трудных обстоятельств внутреннего положения России екатерининской эпохи, так из личных особенностей императрицы. Мысль, что к слабостям людским должно относиться в духе кротости и снис-

* Всякая Всячина. С. 139—143.

** Таково мнение г. Незеленова в его указанных выше статьях.

хождения, — явилась у Екатерины вовсе не потому, что свет казался ей совсем не так худ, как представляется он иным людям, а наоборот, в силу глубокого убеждения ее в нравственной испорченности современного ей общества и отсюда недоверия и к отдельным его представителям. Поставленная лицом к лицу с действительною жизнью, Екатерина поэтому как ни уважала людей мысли и науки, но к теориям их относилась крайне осторожно, никогда не забывая, что ее сфера — земля, т. е. жизнь, какова она есть, а не воздух и небо, как называла она кабинетные умозрения.

Живо интересуясь научной и литературной разработкой общественных и политических вопросов, Екатерина и мнениями писателей пользовалась с тем же пониманием жизни и тем же здравомыслием, с каким принимала она мнения по разным вопросам и окружавших ее государственных людей. «Смелость ума одного, — писала Екатерина Гримму, — и умеренная осторожность другого — и ваша покорная слуга, выступающая курц-галопом между ними, придавали изящество и мягкость делам важности величайшей...» *

Таким же «курц-галопом» проходила иногда императрица между требованиями высшей правды, с одной стороны, и неказистыми сторонами русской государственной жизни ее времени — с другой. Убедившись в нравственной испорченности русского общества, Екатерина проявляла «матернее милосердие» во всех тех случаях, где слабости и злоупотребления отдельных лиц казались ей неизбежным злом, вытекавшим из государственного и общественного строя. Наряду с этим взглядом государыни следует поставить ее женственную доброту, сердечную гуманность и поистине царственную деликатность, «и в злодее видевшей человека»; стоит прочесть некоторые из записок современников Екатерины, чтобы привести массу случаев, в которых проявлялись эти ее качества **. «Что сделает один, то, наверно, сделает и всякий другой на его месте», — вот мысль, на которой основывалась Екатерина, рекомендуя во «Всякой Вся-

* Сборник ИРИО. Т. XXIII. С. 275.

** «Я был при ней, — говорит, напр., Сегюр, — когда ей донесли, что явился один из губернаторов, обнаруживших оплошность. “Я надеюсь, — сказал граф Безбородко, — что ваше величество сделает ему публично строгий выговор, как он того заслуживает”. — “Нет, — отвечала Екатерина, — это было бы для него слишком унижительно: я дождусь, когда мы будем с ним наедине; потому что я люблю хвалить и награждать во всеуслышание, а журить потихоньку» (Записки Сегюра. С. 237).

чине» «дух кротости и снисхождения» по отношению к слабостям человеческим. Заметим, что справедливость этой мысли Екатерины, спустя полвека, признавал и внук ее, император Александр I: в интимной беседе своей с де Сангленом, давая ему поручение, государь прямо заявил, что хотя ему и известна недобросовестность многих из окружающих его лиц, но заменить их другими он боится: «эти уже нажились, — объяснил он, — и потому не будут так жадны, как вновь назначенные, которым только предстоит наживаться» *. Теперь, конечно, можно доказать, что причина такого безотрадного порядка вещей коренилась не в нравственной испорченности общества, а гораздо глубже — в чиновничестве, сплошной стеной отделявшего со времен Петра самодержавного монарха от массы глубоко ему преданного, но большей частью закрепощенного народа. «Россия, — говорит современник Екатерины, кн. Щербатов, — не яко другие страны, где правительство тщится обнаружить свои операции пред народом; но о самых вещах, касающихся непосредственно до народа, в совершенной тайне сие содержит. Что я говорю о народе? Самые таковые дела главному правительству не известны, а знает токмо тот, кому они препоручены. А почему правительство такой поверенной особе сопротивляться не может, самые операции его зависят от хотения того; народ пребывает в неведении и в неудовольствии, иногда и понапрасну; желающие научиться — способа не имеют; размышления остановлены, ошибки или злоупотребления неисправляемы остаются, и ошибку ошибкою и зло злом, якобы для поправления, уничтожают» **. Такой порядок, разумеется, не соответствовал понятию о царской власти, созданному народом. Самодержавный русский царь является, по его воззрению, олицетворением «высшей правды», и власть царская должна быть неограниченною по всему лицу русской земли: и старший член царской семьи, и последний крестьянин одинаково его слуги, его подданные; оттого и все власти в России, большие или малые, суть лишь постольку власти, поскольку они служат выражением воли самодержавного государя, носителя и Божеской, и человеческой правды; могли быть народные возмущения против злоупотреблений помещиков или чиновников, но никогда не про-

* Русская старина. 1883. Январь. С. 46. Это подтверждается и другими свидетельствами, как справедливо заметила сама редакция.

** Щербатов. О состоянии России в рассуждении денег и хлеба. См. статью «Русская сатира во век Екатерины» (Современник). 1859. С. 347—348).

тив власти царя. <...> Что Екатерина понимала и значение самодержавия, и характер несовместного с самодержавием зла, указанного Щербатовым, видно из «Секретнейшего Наставления», данного ею еще за пять лет до издания «Всякой Всячины», в 1764 году, князю Вяземскому, при определении его в генерал-прокуроры*. «Все места (правительственные), — пишет она, — и самый Сенат вышли из своих основами разными случаями, как не прилежанием к делам моих некоторых предков, а более случайных при них людей пристрастиями. Сенат установлен для исполнения законов, ему предписанных, а он часто выдавал законы, раздавал чины, достоинства, деньги, деревни, одним словом, почти все, и утеснял прочие судебные места в их законах и преимуществах, так что и мне случилось слышать в Сенате, что одной коллегии хотели сделать выговор за то только, что она свое мнение осмелилась в Сенат представить, до чего, однако же, я тогда не допустила, но говорила господам присутствующим, что им радоваться надлежит, что закон исполняют. Чрез такие гонения нижних мест они пришли в толь великий упадок, что и регламента вовсе позабыли, которым повелевается: против сенатских указов, есть ли оные не в силе законов, представлять в Сенат, а напоследок и к нам. *Раболепство персон в сих местах находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вред не пресечется; одна форма лишь канцелярская исполняется, и обдумать еще и ныне прямо не смеют, хотя в том часто интерес государственный страждет.* Сенат же вышел единожды из своих границ, и ныне с трудом привыкает к порядку, в котором ему быть надлежит. Может быть, что и для любочестия иным чинам прежние примеры прелестны, однако ж, покамест я живу, то останется как долг велит. Российская Империя есть столь обширна, что, кроме самодержавного государя, всякая другая форма правления

* Сборник ИРИО. Т. VII. С. 345. Екатерина избрала Вяземского в генерал-прокуроры, заметив его честность и способности, помимо других кандидатов, имевших по своему положению гораздо более прав на эту должность. Без сомнения, это сделала она потому, что генерал-прокурорская должность, совмещающая в себе три нынешних министерства (внутренних дел, юстиции и финансов), имела особое значение при управлении: императрице хотелось, чтоб такая важная должность замещена была человеком, вполне ей преданным и обязанным только ей. Екатерина в течение своего царствования очень дорожила Вяземским, хотя в последние годы, по словам Державина, сожалела, даже по отношению к Вяземскому, что слишком много власти дала одному человеку.

вредна ей; ибо все протчия медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеют, которые все к раздроблению власти и силы влекут, нежели одного государя, *имеющего все способы к пресечению всякого вреда и почитающего общее добро своим собственным; а другие все, по слову евангельскому, наемники суть*». В 7 пункте «Наставления» Екатерина так отзывается о канцеляриях и, в частности, о сенатской канцелярии: «Труднее всего вам будет править канцелярией сенатской, и не быть подчиненными обмануту. Сию мелкость яснее вам чрез пример представлю. Французской кардинал де Ришелье, сей премудрый министр, говорил, что ему менее труда править государством и Европу вводить в свои виды, нежели править королевскою антикамерою, понеже все *праздноживущие придворные* ему противны были и *препятствовали его большим видам своими низкими интригами*. Один для вас только способ остается, которого Ришелье не имел: переменить всех сомнительных и подозрительных без пощады». Но и этот «единственный способ» редко применялся Екатериною на практике: какая выгода была заменять одних «сомнительных и подозрительных» другими, тоже, по ее мнению, «сомнительными и подозрительными»? Чтобы «утвердить души не следовать худым примерам» и чтобы не закрывать окончательно доступа к себе правде, Екатерина прибегала иногда к оригинальным средствам. Так, по преданию, передаваемому академиком Гротом, Екатерина, назначив на место Державина своим статс-секретарем Трощинского⁷, «на первом же докладе, прежде всего, дала ему прочесть бумагу о пожаловании ему 1700 крестьян. Тронутый докладчик бросился к ногам своей благодетельницы. На вопрос его, чем он заслужил такую милость, Екатерина будто бы отвечала: «Я слышала о вашей честности; на новом месте вы встретите много искушений, а я хочу, чтобы вы оставались честны»». До тех пор у Трощинского было де не более 30 душ крестьян*. Известно также, как дорожила она Храповицким и Державиным, в честности которых была уверена, закрывая вследствие этого глаза на другие их «слабости». Нельзя думать, чтобы великая государыня, полная самых возвышенных стремлений ко благу своего народа, горячо любившая Россию и трудившаяся для нее всю свою жизнь, не скорбела о необходимости попускать до времени неправду; без сомнения, она утешала себя мыслью, что, «выступая курц-галопом», она добьется уничтожения неправды в самом ее корне. Действительно, она

* Грот. Сочинения Державина. Т. VIII. С. 627.

успела многое совершить на этом пути: дарованием прав дворянству и городскому сословию она открыла дорогу, сделала необходимым и освобождение крестьян, а «Учреждением о губерниях», в связи с другими своими актами, провозвестила важность земского начала в управлении...

Если и теперь, спустя с лишком сто лет, имея под руками бесспорные исторические данные, чтобы судить о трудном положении императрицы Екатерины II, мы можем, как и она сама, лишь с чувством гнетущей скорби помириться с мыслью о былой необходимости, хотя бы временно, терпеть злоупотребления и хищничества всякого рода, — то как могли воспитать в себе «дух кротости и снисхождения», по отношению к ним, современники Екатерины, бывшие непосредственными свидетелями или жертвами разного рода государственных нестроений? «Рассуждая по человечеству, — говорит один из журналов 1769 г., — думаю, что нельзя не застонать и за то место не хватиться рукою, где крепко болит» *. Действительно, на «политические» правила, предложенные бабушкой, все внучата ответили единодушным взрывом негодования и градом возражений; в ответ на призыв бабушки к кротости и снисхождению они спешили раскрыть общественные язвы в ужасающей их наготе, чтобы при одном взгляде на них исчезла мысль даже о возможности кроткого и снисходительного отношения к их виновникам; как часто бывает при страстном обсуждении вопросов, не обошлось и без сильных выражений по адресу «Всякой Всячины». Уже в V листе «Трутня» правила Екатерины вызвали горячее возражение одного из его сотрудников, назвавшего себя Правдолюбовым. «Я сам того мнения, — говорит он, — что слабости человеческие сожаления достойны, однако же и не похвал, и никогда того не подумаю, чтобы на сей раз не покривила свою мыслью и душою госпожа прабабка, дав знать, что похвалнее снисходить порокам, нежели исправлять оные. Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оных прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили кафтан, но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает... Еще мне не понравилось первое правило упомянутой госпожи, то есть, чтобы отнюдь не называть слабо-

* Адская Почта. 1769. Письмо 60.

сти пороком, будто Иоанн и Иван не все одно. О слабости тела человеческого рассуждать не станем, ибо я не лекарь, а она не повивальная бабушка; но душа слабая и гибкая в каждую сторону покривиться может. Да я и не знаю, что по мнению сей госпожи значит слабость. Ныне обыкновенно слабостью называется в кого-нибудь по уши влюбиться, то есть, в чужую жену или дочь, а из сей мнимой слабости выходит: обесчестить дом, в который мы ходим, и посорить мужа с женой, или отца с детьми; и это будет не порок? Кои построже меня о том при досуге рассуждают, назовут по справедливости оный беззаконием. Любить деньги есть та же слабость; почему слабому человеку протитительно брать взятки и набогататься грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако, пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подраться с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по моему, все одно; а *беззаконие дело другое*. В конце письма Правдолюбов прямо высказывал, что такие правила могут быть по сердцу лишь «криводушным приказным и некстати умствующему прокурору» *. Эти возражения редакция «Всякой Всячины» назвала «ругательствами» и заявила, что не желает поэтому отвечать на них, «уничтожая оныя» **. «Г. Правдолюбов не догадался, — прибавляет она, — что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где ни на есть быть могло снисхождение, а может статься, что и ум его не достигает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь». В заключение редакция, назвав Правдолюбова человеком тупым и злым и советуя ему лечиться от черных паров и желчи, отдавала его на суд публики. Такой ответ «Всякой Всячины» вызвал новое письмо со стороны Правдолюбова, на этот раз столь резкое, что издатель «Трутня», Новиков оговорился в редакционном примечании к письму, что он не хотел сначала печатать его «во утешение Всякой Всячине», но по справедливости не мог отказать в том Правдолюбову, «тем паче, что он от Всякие Всячины отдан на суд публике». Государыня, однако, вовсе «уничтожила»

* Трутень. С. 29—31.

** Всякая Всячина. С. 174—175. «Всякая Всячина» употребляет слово *уничтожать* в значении *не обращать внимания, презирать*. См. напр.: Всякая Всячина. С. 327, 346. Поэтому толкование этого слова в смысле административной кары, как допускает это, напр., г. Незеленов (Н. И. Новиков. С. 165), лишено оснований.

оскорбительное письмо своего оппонента, обойдя его презрительным молчанием, да и сам Новиков, кажется, впоследствии спохватился, решительно отказав Правдолюбову в помещении в своем журнале новых его писем *. Мы склонны даже думать, что резкие выражения, помещенные в «Трутне» по отношению к редакции «Всякой Всячины», — дело не Новикова, а недовольных Екатериною княгини Дашковой и графа Мих. Воронцова, если верно предание, что они принимали участие в «Трутне» **. Для объяснения вообще резких выходов тогдашних журналов против «Всякой Всячины» не лишено, может быть, значения и то, что издатели этих журналов часто собирались для бесед в доме известного покровителя литературы, но в то же время друга Воронцовых и опального вельможи — знаменитого И. И. Шувалова ***.

Без сомнения, никто не был так доволен тем острым характером, какой приняла полемика в письме Правдолюбова, как те из окружавших Екатерину, кто по разным соображениям не мог сочувствовать ее мысли изучать русское общество и действовать на него путем печати. Стали, вероятно, указывать, что печать — оружие обоюдоострое и что вовсе не в выгодах правительства распространять в обществе воззрения, будто бы расшатывающие правительственный авторитет. К этому времени, должно быть, относится любопытное известие, сообщаемое Макаровым ⁸. Весь петербургский народ, который как-нибудь знал русскую грамоту, толковал об этом (т. е. об издаваемом Новиковым «Трутне») публично, и даже говорили, что Рубан и какие-то академики доложили о том при своих «сентенциях» графу Никите Ивановичу Панину, а граф Панин это же докладывал государыне. «И государыня де порадовалась Новикову, а не прогневалась на него» ****. Очевидно, во всяком случае, что великодушная монархиня умела забывать мелочные выходы, направленные против нее, и что результаты «сентенций» и «доклада» не соответствовали ожиданиям заинтересованных в успехе лиц: им не нравились обличения журналов — и они думали эксплуатировать естественное раздражение Екатерины, а Екатерина, избегая сама обличений во «Всякой Всячине», и

* Трутень. С. 260.

** Отечественные записки. 1839. Т. V. Смес. С. 31.

*** «Императрица, — говорит Соловьев, — оказывала к нему нерасположение; его имя было в устах недовольных, как имя главного недовольного» (История России. Т. XXV. С. 236).

**** Отечественные записки. 1839. Т. V. Смес. С. 27.

вовсе не мешала обличать зло другим журналам и ради пользы, приносимой журналами, готова была терпеть многое. Что действительно в это время при дворе многие работали во вред «Трутню», видно из VIII листа его, где напечатано было письмо, заключавшее в себе предостережение со стороны лица, назвавшего себя Чистосердовым; в этом убеждает и время, когда оно напечатано, — 16 июня, между первым (26 мая) и вторым (16 июня) возражением Правдолюбова «Всякой Всячине». «То беда, — писал Чистосердов, — что многие испорченные нравы и злые сердца имеющие люди принимают на себя осмеиваемые вами лица, и критикуемые вами пороки берут на свой счет. Это бы и не худо... Но дело состоит в том, что в вашем зеркале, именуемом “Трутень”, видят себя и многие знатные бояре... Вот что худо-то! Мне очень будет прискорбно, ежели кто на вас за то будет досадовать, а каково иметь дело с худыми людьми и знатными боярами, я уже искусился... Намедни при мне один такой придворный не господин, а господчик, говорил о вашем “Трутне” весьма пристрастно... “Не в свои де этот автор садится сани. Он де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая де смелость ничто иное есть как дерзновение. Полно де его отпряла недавно “Всякая Всячина” очень хорошо <...>; да это еще ничего, в старые времена послали бы его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русского владения; но нынче де дали волю писать и пересмежать знатных, и за такие сатиры не наказывают”». «Продолжайте печатать, — советует далее Чистосердов, — такие пьесы, какие мы по сие время в “Трутне” читали, но только остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатных бояр и боярынь... Письмо свое заканчиваю искренним желанием успеха в вашем труде, но чтобы мой совет принес вам пользу, а издание ваше всем знатным господам чтобы так нравилось, как нравится оно семерым знатным боярам, которых я знаю» *. Когда, тотчас вслед за этим предостережением, сама государыня, как редактор «Всякой Всячины», испытала на себе несдержанность выражений «Трутня», разве не могли быть «знатные бояре» уверены, что пробил последний час ненавистной журналистики? Государыня не обижалась и не обиделась; но могло ли успокоиться сановное дворянство и чиновничество, особенно когда журналистика подвергла разбору противозаконные действия даже высокопоставленных лиц? Без сомнения, все чаще и чаще приходилось Екатерине

* Трутень. С. 49—52.

выслушивать настойчивые убеждения прекратить журнал; аргумент, конечно, был один и тот же: «кто де не имеет почтения и подобострастия к знатым особам, тот уже худой слуга» *, не входя в обсуждение, заслуживают ли те или другие особы почтения или нет. <...> По мнению «Трутня», при дворе Екатерины было известно лишь «семеро бояр», которые, «читая сатиры, никогда не краснеют, для того, что никогда не делают того, от чего, читая сатиры, краснеть должно» **.

При такой обстановке и при таких влияниях Екатерина не решалась печатно высказывать те мысли свои и мнения, которые она же сама излагала в «Секретнейшем наставлении»; мало того, под влиянием недовольства и ропота, вызванного в чиновных сферах смелыми обличениями «Трутня» и др<угих> журналов, она сделала одну из тех «тысячи странностей», которые, по собственному ее сознанию, пришлось ей сделать вскоре по вступлении своем на престол, под давлением разных высокопоставленных лиц; «иначе, — прибавляла она, — я не знаю, что случится» ***. Еще прежде ответа своего Правдолюбову «Всякая Всячина» поместила на своих страницах письмо одного из своих корреспондентов, просившего редакцию «потрудиться и выписать из своей библиотеки, буде найдется, такой эксперимент, коим бы можно перевести подъячих... Я старался тем от них избавиться способом, которым переводят клопов, блох и всех кровососных насекомых, однако, ничем не мог оборониться; но истоща весь свой дом на то, и ныне стражду от сих кровососов... Если же вашей помощи не получу (прибавляет корреспондент в конце письма), то больше не останется способа, как петь только по книжному: “Ты, Господи, сохраниши ны и соблюдеши ны от рода сего и во век”». Что же ответил на это орган Екатерины? «Подъячих не можно и не должно перевести. Не подьячие и их должности суть вредны, но статья может, что тот или другой из них бессовестен... Они менее других исключены из пословицы, которая говорит, что нет рода без уroda, для того, что они более многих подвержены искушению. Подлежит еще и то вопросу: если бы менее было около них искушателей; не умалилася бы тогда и на них жалоба». Затем рекомендуется странный способ избавиться от притеснений чиновников: надо де жить так, чтобы не нуждаться в подъячих; «не обижайте никого; кто же вас обижает, с тем полюбовно ми-

* Трутень. С. 50.

** Там же. С. 52.

*** Соловьев. История России. Т. XXV. С. 146.

ритесь без подъячих, сдерживайте слово и избегайте всякого рода хлопот» *. Это заявление вызвало целый ряд возражений со стороны других журналов. Более других горячий «Трутень» спешил в письме Чистосердова указать, что вся беда заключается даже не в подъячих, а в том, что за спинами их стоят и первостепенные государственные сановники; что нельзя и требовать честности и уважения к закону от мелких чиновников, если им подадут в том пример лица высокопоставленные, злоупотребления которых не только остаются безнаказанными, но часто, по словам Воронцова, «к почестям и к вознаграждениям были лучшею дорогою» **. Благородные мысли «Трутня», высказанные им по этому поводу с горячим патриотизмом, чрезвычайно любопытны уже по своей смелости, для того времени изумительной. «Я доживаю шестой десяток лет, — пишет Чистосердов, — и во всю мою жизнь имел несчастье тягаться с большими боярами, угнетавшими истину, правосудие, честь, добродетель и человечество. О, г. издатель! сколько я от них претерпел. Смело сказать можно, что лучше иметь дело с лютым тигром, нежели с сильным злым человеком; тот со всем своим зверством и лютостью отнимает только жизнь, а последний оной не отнимает, но отнимая душевное спокойствие и крепость, приводит дух в изнеможение так, что иногда подосадуешь за то, на что написано: не ревнуй лукавствующим, ниже завидуй творящим беззаконие...» *** По поводу приглашения Екатерины не смешивать порока со слабостью Чистосердов продолжает: «Я слышал следующие рассуждения: в положительном степене, или в маленьком человеке воровство есть преступление против законов; в увеличивающем, то есть среднем степене, или средостепенном человеке воровство есть порок; а в превосходительном степене или человеке, по вернейшим математическим новым исчислениям, воровство ничто иное, как слабость. Хотя бы и не так надлежало: ибо кто имеет превосходительный чин, тот должен иметь и превосходительный ум, и превосходительные знания, и превосходительное просвещение, следовательно, и преступление такого человека должно быть превосходительное, а превосходительные по своим делам и награждение, и наказание должны получать превосходительное. Но полно, ведь вы знаете, что не всегда так делается,

* Всякая Всячина. С. 159—160.

** Чтения Московского Общества Истории и древностей Российских. 1859. Кн. I. Смес. С. 100.

*** Трутень. С. 49.

как говорится» *. По мнению «Трутня», сановники не должны были бы забывать, что «они в знатные достоинства возводятся для того только, чтобы больше могли бы делать благодеяния человечеству» и что «по елику отличен от прочих знатностию своего сана, по толику отличался бы и добродителю» **. В своем обличении «Трутень» дошел до того, что решился наконец, в самом конце года, обозначить инициалы тех из современных екатерининских вельмож, которые, по его мнению, были добродетельны: по методу исключения, можно было заключить, следовательно, что прочие вельможи, по меньшей мере, не отличались особою добродетелью. Добродетельными оказались: О (Григорий Орлов), П (Панин — Никита или Петр?) Н (Нарышкин Лев), С (Салтыков), В (Вяземский), Ш (Шувалов), Б (Бибиков) и В (Всеволожский) ***. Называя добродетельными одних вельмож и бросая бездоказательно тень подозрения на прочих, Новиков, конечно, поступил очень неосторожно: этим как бы подтверждалась мысль «Всякой Всячины», что сатира, задевая особ, может подвергать многих незаслуженному оскорблению; он забыл в этом случае собственное правило, которому хотел следовать в своем «Трутне» при сатирическом изображении жизни: «критика, — писал он ранее, — писанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного; в противном же случае, если лицо так будет означено, что все читатели его узнают, тогда порочный не исправится, но к прежним порокам прибавит и еще новый, т. е. злобу» ****. Печально для Новикова было, конечно, и то, что на этот раз озлобленные им люди имели видимое основание жаловаться — на оскорбления и требовать от государыни прекращения журналов тем более, что одновременно с «Трутнем» вооружились против бабушки «Смесь» и «Адская Почта», подобно «Трутню» горячо обличавшие злоупотребления в администрации. «Я вижу в го-

* Трутень. С. 51—52.

** Там же. С. 195.

*** Там же. С. 196. Мы не можем согласиться с г. Ефремовым (Трутень. Его издания. С. 355), который вместо предложенных нами Вяземского, Шувалова и Бибикова ставит Васильчикова, Шереметева и Безбородко: Васильчиков и Безбородко при дворе появились значительно позже и в то время были еще в малых чинах; Шереметев же (П. Б.) не пользовался влиянием, тогда как деятельность, правда, уже оставившего службу, И. Шувалова известна была всем; не говорим уже о сравнительной нравственности этих лиц.

**** Трутень. С. 152—153.

роде, — говорит, напр., “Смесь”, — такую бабушку, которая всех писателей журналов включает в свое племя, и всегда на них ворчит хотя сквозь зубы... Но почто же называться роднею? Бабушка в добрый час намеряется исправлять порок, а в блажной дает им послабление. Она говорит, что подъячих искушают, и для того они берут взятки. Сия же старушка советует, чтобы не таскаться по приказным крючкам, то должно мириться и разделяться добровольно; всякий сие знает, и конечно по пустому лягаться не сыщется охотников. Верно, если бы все были совестны и наблюдали законы, то не надобно бы было и судов, и приказов, и подъячим бы не шло государево жалованье. Некогда сие необходимо, то для чего ей защищать подъячих?» * Нападки «Смеси» после этого стали касаться также не одних только подъячих, но и лиц, стоявших выше их по своему положению, указывая не только на личные их пороки, но и на недостатки общественного строя, которого они служили порождением. «Благородство, — говорит “Смесь” от лица приехавшего в Петербург камчадала, — состоит в добродетели и превосходных дарованиях; но здесь оно идет из рода в род, и часто самая испорченная кровь называется благородною. Между благородными есть графы, князья, бароны... издатель! я дрожу, произнося сии заколдованные имена... боюсь писать... перо из рук валится... Я видел, что если потребен полководец, посол или другой какой важный человек, то тотчас из снабженных сими именами выходят люди, достойные тех почестей, хотя они не только что не упражнялись в потребных к тому знаниях, но не имели и малейшего о том понятия... В судейских должностях также действует колдовство: часто глупый сын, получа чин своего отца, получает и отцовское звание...» ** «Смесь» утверждала даже, что все судьи без исключения берут взятки и что чины можно покупать за деньги. Некто Взятков, «не раздаря несколько тысяч, никогда бы не назывался *превосходительным*. Фемида (т. е. правосудие) с ним в ссоре, она на него просила; дело их разбирали, и Взяткову конечно бы по заслугам быть на виселице, если бы Плутус (богатство) не избавил бы его от беды». Одинакового мнения со «Смесью» на задачи сатиры и темные стороны общественной жизни в России была и «Адская Почта», отличавшаяся, впрочем, большею умеренностью тона. «Я на то согласен, что в нынешнее счастливое время больше есть справедливых судей, нежели несправедливых; но не могу

* Смесь. С. 85—87.

** Там же. С. 212—215.

подумать, чтобы от злого состава часто добрый не заразился. Следовательно, должно отрезывать от тела злой состав, чтобы сохранить добрый... Прекрасно некто написал, что будьте незлобивы, судьи не будут виноваты. Речь его весьма хороша, и видно, что произошла от доброго сердца; но дело невозможное: никто, думаю, не захочет быть обиженным и разоренным единственно для того, чтобы идти в суд. Весьма бы было хорошо, если бы весь свет всегда пребывал в пределах добродетели, но когда родилось в свете зло и много в нем есть обидчиков, то что осталось делать обиженным, когда *некоторые нравоучители не велят* жалобами своими беспокоить судей и искать справедливости» *. И «Адская Почта» жаловалась на всеобщую продажность. «Не знаю ничего о больших господах, правящих делами, но ваша братья (т. е. воеводы и подьячие) *едва не все совесть свою превратили в жидовскую, и теперь весьма малому числу из вас осталось ожидаться*» **. Вообще будучи более осторожной, чем «Трутень» и «Смесь», «Почта» преимущественно обличала низших чиновников. «Знатных и в правлении великие места имеющих людей, — объясняла «Почта» уже при конце своей деятельности, — мы никогда в лицо не трогали нашими критическими рассуждениями, но мы сие делали не для ласкательства, но для того, чтобы, переправляя такие столбы, на которых огромное опирается строение, целому зданию не причинить вреда. Главное наше намерение было иметь дело с пороками; оные мы часто в разных особах анатомили, чтобы показать другим, с которой стороны и в каком составе может нечаянно появиться такой припадок, который целое тело повредить может». «Почта» не отрицала, однако, необходимости исправления «столбов»: без этого, по ее мнению, исправление мелких подпорок государственного здания не могло иметь надлежащей силы и значения. Это мнение она проводила во многих статьях и иллюстрировала его метким примером, взятым непосредственно из жизни и ясно показывавшим, что при известных условиях и высокая нравственность низших чиновников не поможет злу. Вероятно, известный современникам вельможа, которого «Почта» назвала Явнокрадовым по его действиям, воспользовался при совершении одного казенного дела 180 000 руб. Секретари, люди честные, хотя и были подчинены Явнокрадову, но не желали быть участниками «в художестве его превосходительства» и, ссылаясь на законы, донесли об

* Адская Почта. Письмо 60.

** Там же. Письмо 58.

этом художестве кому следует. Они, очевидно, не знали, что, по замечанию «Почты», «вора, укравшего сто восемьдесят тысяч, редко вешают, а по большей части наказуют дерзких доносчиков». Кончилось дело тем, что секретари сами посажены были в острог, а Явнокрадову хотя и велено было быть под следствием, но «он того не хотел». «Счетов, — говорит “Почта”, — он никогда не подает, извиняясь тем, что их скоро сделать нельзя; он думает подать их в другом месте» *. Если подобные вельможи не могли ужиться с честными подчиненными, сажая их как преступников в острог, то пригревали у себя на службе отъявленных негодяев, не стеснявшихся средствами приобрести себе благоволение начальников. Один из таких секретарей, рассказывает «Почта», впав в немилость и не имея возможности, по своей бедности, ублажить начальника деньгами, прибег к другому средству: он посоветовал своей «изрядной жене» то сделать, что начальник не только примирился с своим секретарем, но и дал ему высшую должность **.

Грустная картина зла, так ярко нарисованная журналами в ответ на призыв Екатерины к духу «кротости и снисхождению», не могла не подействовать на нее самым тяжелым образом, — хотя она склонна была думать, что размеры этого зла сильно преувеличены ***; мало того, она поставлена была в неловкое положение — защищаться от обвинений в пособничестве этому злу: как мы видели уже, «Трутень» объявил, что статьи «Всякой Всячины» написаны «в угождение криводушным приказным». Императрице, таким образом, предстояла двойная задача: нужно было успокоить глубоко возмущенную журнальными нападками чиновную среду, очистить правительство от косвенно взводимых на него нареканий, доказав, что не оно является виновником печального состояния правосудия, и в то же время выяснить, что и «Всякая Всячина», несмотря на обуявший ее дух кротости, к криводушным приказным и лихоимцам относится не менее враждебно, как и прочие журналы. Для до-

* Адская Почта. Письмо 55.

** Там же. Письмо 71.

*** Екатерина очень доверяла генерал-прокурору Вяземскому, доклады которого, конечно, не имели мрачного колорита. Путешествие ее по Волге в 1767 г. должно было также убедить ее, что правосудие хорошо исполняет свое дело: она писала Вяземскому, что за все время путешествия, среди множества поданных ей прошений, почти не попадалось жалоб на лихоимство и неправосудие. Екатерина забывала о существовании закона, которым запрещалось подавать жалобы на судей из дворянства.

стижения первой цели Екатерина, под именем Патрикеея Правдомыслова, поместила во «Всякой Всячине» свою статью, рассматривавшую вопрос о причинах неправосудия в России*. К сожалению, и в ней сказалась затруднительность положения Екатерины как публициста. «Случалось мне, — пишет императрица, — слышать от одной части моих сограждан изречение такое: правосудия нет. Сие родило во мне любопытство узнать, от чего бы такой вред к нам вкрался? и справедливы ли жалобы о неправосудии? наипаче тогда, когда всякий честный согражданин признаться должен, что может быть никогда и нигде, какое бы то ни было правление не имело более попечения о своих подданных, как ныне царствующая над нами монархиня имеет о нас, в чем ей, как нам известно, из самых опытов доказыва-
ется, стараются подражать и главные правительства вообще (т. е. высшие государственные установления и лица)». Успокаивая этими строками приближенных к себе лиц и высших сановников, Екатерина, однако, противоречила самой себе, если мы вспомним собственные ее слова о высших государственных установлениях и сановниках в «Секретнейшем Наставлении» Вяземскому. Выдавая неискренно аттестат в добросовестности своим не всегда чистым вельможам и объявляя, что вельможные лица, как опытом доказывається, стараются подражать монархине, Екатерина отождествляла, таким образом, Верховную Власть, «самодержавного государя, имеющего все способы к пресечению всякого вреда и почитающего общее добро своим собственным» с теми «другими всеми», которых она же назвала по достоинству их «наемниками». Допустив это несчастное отождествление, Екатерина логически должна была прийти к выводу, что негодовать на действия правительственных лиц, каковы бы они ни были, значит показывать неуважение и к Верховной Властью. «Долг наш, — говорит она в конце статьи, — велит иметь уверенность и почтение к установленным для нашего блага правительствам (т. е. правительственным учреждениям и лицам) и не поносить их такими поступками и несправедливыми жалобами, коих право я еще не видал, чтобы с умысла случались»; между тем, «поносили людей таких, у коих, судя по одним качествам души, они недостойны разрешить ремень сапогов их». Если этими словами Екатерина думала дать удовлетворение оскорбленным вельможам, не закрывая журналов, то, может быть, отчасти и достигла своей цели; но она не заметила, что ее фраза была лишь повторением фразы придворного

* Всякая Всячина. С. 276—280.

господчика, выставленного ранее в «Трутне»: «кто де не имеет почтения и подобострастия к знатным особам, тот уже худой слуга (государю)»; она не заметила, что осуществляет мысль этого же господчика: «Ведь де знатный господин не простой дворянин, что на нем то же взыскивать, что и на простолюдинах», уничтожая этим возможность не только критики, но и жалоб на незаконные действия высокопоставленных лиц. — Разбирая затем вопрос, где кроется причина неправосудия: 1, в законах ли? 2, в судьях ли? 3, в нас ли самих? Екатерина, верная своей основной мысли, отвечает: «Жалоба на правосудие отчасти падает на судей, отчасти на нравы... Колико же нравы вообще требуют исправления, о том всякому отдаю испытание на совесть. Не замай всяк спросить сам у себя: более ли он вчерась или сегодня сделал справедливых или несправедливых заключений? Из всего сказанного выходит, что нигде больше несправедливости и неправосудия нет, как в нас самих. Любезные сограждане! перестанем быть злыми, не будем иметь причины жаловаться на правосудие».

Знатных вельмож Екатерина сочла нужным оградить от нареканий, даже наперекор самой себе; но тем с большей энергией обнаружила она свое негодование на укоренившиеся злоупотребления, когда повела речь о чиновниках низших, надеясь, без сомнения, говоря о них, дать урок и высшим. В конце 1769 г. на страницах «Всякой Всячины» стали появляться резкие обличения взяточничества чиновников вообще, преимущественно подъячих, хотя и в этом случае причину взяточничества «Всякая Всячина» продолжала видеть не в учреждениях, а в нравственной испорченности общества. Дело в том, что еще в самом начале своего царствования Екатерина, издав строгие указы против лихоимства, для уничтожения зла в корне назначила чиновникам жалованье, так как прежде они жили преимущественно подарками со стороны тяжущихся лиц; для этой цели государыня повелела даже, в виду дурного состояния финансов в то время, отчислять ежегодно 300 000 рублей из комнатных своих сумм. Но ни строгость правительственных указов, ни назначение жалованья делу не помогли, как видно. По поводу этого неуспеха правительственных мер «Всякая Всячина» и напечатала письмо некоего Доброжелателя, который давно уже хотел написать о подъячих, понимая это слово в самом широком смысле: *«под этим омерзения достойным именем, — говорит он, — называю и всех под титулом лихоимца содержащихся»*. Из письма его видно, что подьячие, получив жалованье, стали еще требовательнее по отношению к просителям, говоря:

«Что нам нужды по челобитчиковым делам трудиться? Мы де и без труда получаем жалованье». Поэтому Доброжелателев просил издателя «Всякой Всячины» сообщить на страницах этого журнала какое-либо лекарство от взяточников; «иной скажет, — прибавляет он, — зачем лихоимцу давать? Отвечаю, без того дела продолжают (подьячие) и пакостят, а чрез волокиту и неправое решение; челобитчики в конец разоряются, да не только спорными делами, но и не спорными». На просьбу Доброжелателева издатель «Всякой Всячины» ответил следующее: «Сердечно мы рады исполнить ваше требование, лишь бы успех наших увещаний соответствовал вашим и нашим желаниям. Но в Евангелии написано: *Аще Моисея и пророков не послушают, то и, аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры*⁹. При том не можем и сего оставить, чтоб не дать вам приметить, колико трудно найти средство к поправлению сих людей. Вспомните всеобщий крик о взятках, когда подьячие не получали жалованья, но велено было им кормиться с дел. И не в нашем ли веке сие все было? Ныне им дано жалованье, и жалоба происходит, что ленятся для того, что корм имеют». «Увещание лихоимцам», помещенное во «Всякой Всячине», было «краткое», но сильное; властный, энергический тон его обнаруживает, что оно принадлежит перу самого державного редактора. «Жалованье вам определено, — говорит императрица подьячим, — не для того, чтобы вы сыты были и жили во праздности, а для того вы оное получаете, чтобы вы трудились и из святого правосудия не делали аукциона; и имели недостаток, и быв сыты по вашему состоянию, не имели бы жадности к деньгам; и чтоб не был у вас прав тот, кто больше вам даст, а единственно тот, которого требование справедливо. Если же вы, получая жалованье, еще сверх того берете взятки, то вы, кроме послушания законов, еще оказываете великую неблагодарность высшей власти, которая вам щедро определила чем жить, и обращаете во вред то, что учреждено для общей пользы, то есть, чтобы вы нужды не чувствовали в прокормлении себя и не требовали бы вам не принадлежащего с тех, кои до вас дело имеют. Если же притом вы еще и так дерзки, что осмеливаетея тем, кои на вас просить хотят за волокиту, грозить так: изволь-ста, изволь просить, а я скажу, что ты мне деньги давал, а за то де наказание одно, что плуту лихоимцу и проч., то уже во истину вы достойны тройного наказания, и неминуемо из двух последует одно: или вы будете истреблены, или исправитесь, пока еще на то есть время»^{*}.

* Всякая Всячина. С. 306—309.

Несомненно, что великая государыня увидела наступление того момента, когда, рано или поздно, откроется возможность приступить к «истреблению» лихоимцев: но надежда на исправление их должна была остаться тщетною. Сохранилось предание, что, после напечатания во «Всякой Всячине» «Краткого увещания лихоимцам» Екатерина, интересуясь впечатлением, какое произвело оно на чиновных лиц, спросила Льва А. Нарышкина: «А что, читают ли “Всякую Всячину” наши судьи? — Об этом они еще ожидают меморий, — отвечал Нарышкин. — Государыня рассмеялась и промолвила: “Виновата, я позабылась”» *. Шутке Нарышкина, конечно, не следует придавать буквального значения; она доказывает только, как мало потревожены были лихоимцы грозными словами «Увещания», твердо надеясь на ограждавшие их безнаказанность бюрократические формы учреждений. Но если Екатерина и «позабылась» в этом отношении, то ненадолго: уже в следующих выпусках своего журнала она возвратилась к прежней своей мысли, что угрозами и наказаниями нельзя исправить взяточников и что они сумеют не только обойти направленные против них законы, но и сделать их источником вреда для людей честных. Один воевода, рассказывает «Всякая Всячина», строго стал следить, чтобы чиновники его добросовестно исполняли свои обязанности; тогда чиновники подослали к своему начальнику челобитчика с табаком, французской водкой и сахаром, до чего воевода был охотник. Наивный воевода хотя и отказывался сначала от подарка, но потом принял его, положившись на слова просителя, что тот ищет этой безделицей его дружбы, а не правосудия. Но на другой же день чиновники, подсматривавшие за воеводой, сделали на него донос, и воеводу за взятки отрешили от места. Когда воевода жаловался своим знакомым на постигшее его безвинно несчастье, говоря, что семья его осталась без пропитания, то они смеясь сказали ему: «То-то, брат, говорится пословица: не учась в попы не ставятся... Кабы ты брал с умком, так бы и про сию пору там жил и детям оставил... Ты бы с тем, кому до тебя нужда, либо стал в карты играть, и он бы тебе нарочно проиграл, либо свою худую вещь на его добрую менял... или дал бы ему комиссию что купить на твой счет, это бы дело было как будто заемное, а тебе бы даром прошло... еще способ: продавать дешевое за большую цену. Бесспорно, они те же взятки, да в руку придут другим образом, и потому правы». Замечание по поводу этого рассказа сделано было такое: «Это

* Отечественные записки. 1839. Т. III. Смесь. С. 26.

бы дело было бессовестное: лучше жить хотя бедным, но честным человеком. Только, правда, кажется и то худо, чтобы человека лишить пропитания. Нашей Всемиловитвейшей Обладательницы не в том высочайшее намерение; но чтоб искоренить сие зло к общему благосостоянию человеческого рода, которое не иначе пресечется, как искоренением злых; но все роды падения человеческого ей ведомы быть не могут, а остаются на душах судейских, кои смотреть должны на количество и качество падения и падающего, помня, что все люди. Мне же кажется такого, который охотник до барышей, лучше, отреша от такого места, где лакомиться можно, определить, где того нет, и что он и по нужде будет жить поданым, или иначе оштрафовать, а не совсем лишать места и пропитания» *.

Таковы были последние слова «Всякой Всячины» по предмету, жестоко поссорившему бабушку с ее мятежными внучатами; читатель сам может судить, изменила ли Екатерина и после полемики своему выжидательному, осторожному образу действий, основанному на убеждении — в необходимости смягчить сначала нравы, а потом уже внести коренные реформы в учреждениях для «истребления» лихоимцев. На этот раз прямых нападений на «Всякую Всячину» со стороны других журналов уж не было; они вняли совету одного из читателей, убеждавшего их прекратить свои раздоры ради одной общей всем журналам цели: «Вы все разные имеете способности, — пишет он, — пусть один из вас проповедывает добродетель и пишет наставления, а другой пусть осмеивает пороки и, писав сатирические наставления, исправляет нравы; третий — рассказывает сказки и тем забавляет малосмысленных людей. Вот вам мирные договоры» **. Соблюдать долго мирные договоры пришлось, однако, не всем: по разным обстоятельствам, нам не вполне ясным, внучата бабушки умирали один за другим, так что в конце 1769 г. из них остался в живых только «Трутень», главный антагонист «Всякой Всячины». Оба журнала, впрочем, не ссорились уже между собою, делая каждый свое дело по-своему. В начале 1770 г. прекратила свое существование и «Всякая Всячина»: еще в первых выпусках этого журнала издатель его объявил, что он будет выходить только в течение одного года, а вслед за бабушкой исчез с журнальной арены и последний, самый мятежный внук ее, «Трутень», смерть которого, несомненно, имеет связь с его нападка на «главные правительства вообще».

* Всякая Всячина. С. 393—396.

** Трутень. Изд. Ефремова. С. 125—126.

Чашу негодования чиновных «правительств» «Трутенъ» переполнил, вероятно, напечатав советы «китайского философа Чензья» своему государю: в них главным образом выставлялась на вид необходимость для государей иметь около себя таких вельмож, которые отличались бы безукоризненною нравственностью и внушали бы к себе полное доверие; не могло, конечно, никого обмануть следовавшее за статьею замечание редакции журнала, что если бы Чензый побывал в России, то, без сомнения, он «посоветовал бы своему монарху идти в храм вечности по стопам Великия Екатерины» *. Вероятно, также выставлено было на вид и то обстоятельство, что с прекращением издания «Всякой Всячины» «Трутенъ», известный по своей резкости, не имел вовсе соперников на журнальном поприще: «такое несчастное сложение, — говорила еще ранее “Всякая Всячина” о “Трутне”, — наполненное злостием и злословием, при свободности языка и с острыми выражениями, вред великий нанести может молодым людям».

Для нас в особенности важен тот факт, что не Екатерина лично была гонительницею журналистики, ею же созданной **. Даже резкие полемические выходы ее противников не возбудили с ее стороны дурного чувства. «Прощайте, господа, — писала она, оканчивая издание “Всякой Всячины”, — я с великим терпением часто слушал ваши осуждения и смеялся от чистого сердца всему тому, за что другой бы сердился, и не перестал писать, пока мне самому не вздумалось окончить “Всякую Всячину”; и сие оканчивая объявляю вам, что я приемлю другое ремесло, где достанутся от меня многим щедрые милости» ***. Последняя фраза ясно показывает намерение великой монархини приступить «к реформам, осуществленным ею впоследствии и сделавшим память ее священной для каждого русского, несмотря на некоторые темные стороны ее во многих отношениях не только блестящего, но и благодетельного царствования.

* Трутенъ. С. 267—271.

** Отрывок из письма, найденного Пекарским в бумагах Екатерины и адресованного к «Издателю», г. Незеленов напрасно считает письмом Екатерины к Новикову, вызвавшим будто бы прекращение журнала. По шутливой форме порицания и оборотам своим, оно, очевидно, одно из тех писем, которые печатались в журналах от имени осмеянных ими лиц, и адресовано было действительно ко «Всякой Всячине», а не к «Трутню»; так, упоминаемые в нем «Поздравление с Новым Годом»; «Предисловие» и «Приветствие к публике» — это статьи, которыми началась именно «Всякая Всячина» (Незеленов. Николай Иванович Новиков. С. 168—170).

*** Всякая Всячина. С. 672.

Отношение государыни к журналистике и к своим противникам характеризуется тем, что два года спустя главный из них, Новиков, вновь начал издание журнала — знаменитого «Живописца» при личном ее содействии и даже сотрудничестве: государыня на опыте узнала достоинства Новикова, как журналиста, и относилась к нему с уважением. На этот раз, однако, во избежание опытом же изведенных затруднений, положено было принять за правило: «*Не вдаваясь в даль, хлопотать только школьно, классически, о просвещении русского царства*». «В силу этого правила, — говорит Макаров, — определено было Новикову издавать один нравственно-критический листок еженедельно, писать в нем все и более всего налегать на нравы, однако с замечанием, чтобы вся разборка наших нравов была легка, забавна, хороша» *.

Заканчивая наше изложение ссоры бабушки с внучатами, мы не можем не заметить, как много дает эта ссора для характеристики Екатерины и русского общества ее времени. Еще более интересными и поучительными являются те выводы, к которым приводит нас изучение этого эпизода литературной деятельности Екатерины II. <...> Тем более любопытным является ее отношение к печати в первую половину ее царствования. Среди невежественного народа и себялюбивых вельмож самодержавная императрица сама создает в своей стране политическую журналистику, обсуждавшую с замечательно смелостью вопросы государственной жизни России, которых печатно никто не смел затрогивать с такой определенностью и широтою взгляда долгое время спустя и в XIX в. Ошибемся ли мы, если скажем, что Екатерина, исходя из принципов самодержавия, находила одно время полезным возможно полное и свободное развитие печатного слова? Свободная русская печать, при известных условиях, могла быть для монархини единственным источником для полного знакомства с действительными потребностями и настроением русского народа во всем его целом. Если опыт не оправдал ожиданий императрицы, то, без сомнения, это случилось потому, что, во-первых, самодержавие Екатерины, отделенной от народа чиновничеством и высшим дворянством, было далеко от намеченного ею же идеала самодержавия и, во-вторых, журналистика, выросшая по мановению державной руки, при массе бесправного, закрепощенного и невежественного народа, и не могла быть выражением деятельности народной, а была лишь органом небольшого числа лиц, правда,

* Отечественные записки. 1839. Т. III. Смесь. С. 28.

образованных, стремившихся ко благу России, но представлявших все-таки личные или кружковые мнения; говоря короче, еще не было тогда русского *общества*, без которого и существование журналистики является бесцельным. Нельзя ставить в вину императрице, что исправление ею же указанных государственных нестроений она вынуждена была силою вещей представить более позднему времени и, среди множества представлявшихся ей неодолимых затруднений, не смея даже уничтожить крепостного права, что должно было дать основание для других необходимых реформ, — считала необходимым «идти курц-галопом», применяясь к обстоятельствам, делая иногда, то, чего не хотела делать. <...>

